

Вспоминая о Михаиле Михайловиче НОСКОВЕ

С Михаилом Михайловичем Носковым на протяжении длительного времени мне приходилось встречаться много раз. Впервые я увидела его, когда была студенткой физмата УрГУ и слушала его лекции по оптике. Элегантный, чуть-чуть суховатый, но при этом остроумный и даже ироничный, он читал лекции живо и интересно. На экзамене мой ответ ему понравился и я получила «отлично». Следующий экзамен я ему сдавала на пятом курсе по истории физики. У меня на руках уже был полуgodовалый сын Миша Изюмов. И если всю сессию я все-таки сдала на отлично, то на историю физики уже сил не осталось, и я что-то напутала. Михаил Михайлович стал мне делать внушиение, что нельзя ничем пренебрегать, ведь диплом – это не только корочки. «Вот как раз и есть только корочки» – нашлась я. Он рассмеялся и, вздохнув, поставил «отлично».

А дальше началась, можно сказать, наша дружба уже на семейном уровне. У МихМиха (так мы его звали) была молодая жена Люда, закончившая университет года на 2 – 3 раньше нас. Нужна была молодая компания, и мы с Юрай Изюмовым часто бывали у них в гостях в квартире, которая тогда находилась в общежитии Университета на ул. 8 Марта. (Позже это здание отобрал СИНХ.)

Общение с человеком, который на 25 лет старше, но при всем жизненном опыте прост и естественен, имеет молодую душу, – очень интересно, и нас это притягивало. МихМих. прекрасно играл на фортепиано и даже сам писал музыку. У него было немало своих произведений – этюды, сонаты. (Злые языки даже говорили о нем: «Лучший физик среди композиторов и лучший композитор среди физиков»... Я лично не вижу в этом ничего обидного: вспомним Бородина... правда, он был химик.)

В течение двух лет (1962 – 1964 гг.) мы жили с ним в одном доме на одной лестничной площадке. Хрущевского типа пятиэтажный дом стоял в конце улицы Мира рядом с обувной фабрикой. Двери наших квартир были открыты друг для друга. Мы с Юрай часто приходили

к Носковым послушать музыку и поболтать. С Людмилой мы были ровесниками, а возраст МихМиха никак не чувствовался. Была разница, конечно, в статусе: мы – начинающие научные работники, а МихМих – маститый профессор, автор известного эффекта Кикоина – Носкова. Он никогда не подчеркивал эту разницу. В то же время до нас доходили слухи, что с сотрудниками ИФМ у него были непростые отношения. В 1962 г. профессор Носков был оппонентом моей кандидатской диссертации.

Михаил Михайлович был очень спортивным человеком. Со спортом, вернее, с физической культурой в точном смысле этих слов, он не расставался никогда в жизни: зарядка по утрам, ежедневные прогулки, а по выходным дням – лыжи, бадминтон, горный туризм. Именно он «заразил» Юру горной болезнью, взяв его с собой на Алтай в альплагерь «Актру».

После 1964 г., когда мы переехали на другую квартиру, наше общение с Носковыми в основном сводилось к встречам в филармонии. Прошло более 20 лет, и судьба снова близко свела нас. Мы купили дом в селе Колюткино, стоящем в живописном месте на Исети ниже Двуреченска. Каково же было наше удивление, когда узнали, что у Носковых там «имение» уже давно и они даже совратили к покупке соседнего дома известную пианистку Наталию Панкову. Михаилу Михайловичу в то время было лет 80, однако ни по образу жизни, ни по интересу к ней, ни по физической нагрузке он ни в чем не уступал своему более молодому окружению. Машин тогда ни у кого не было, и трехкилометровые пробежки от села до ближайшей станции электрички с рюкзаком за плечами и поклажей в руках он совершил спокойно наряду со всеми.

В 1999 г. М.М. Носкову исполнилось 90 лет. На ученом совете ИФМ его поздравили с таким солидным юбилеем. Одетый в элегантный серый костюм, подтянутый, с длинными густыми волосами, седыми усами – он выглядел английским джентльменом. Из-под очков в тонкой оправе смотрели живые улыбающиеся глаза. Дома у Носковых собралась компания близких друзей. Людмила испекла очень вкусный капустный пирог, выпили по рюмочке ликера (имениннику, правда, в нем было отказано). После ужина МихМих принес большой альбом с фотографиями, а сам сел за пианино, играл свои собственные сочинения по памяти живо и уверенно. Когда же обратился к нотам, то начались сбои – «Плохо стало видеть», – пояснил он. Это была одна из последних наших встреч...

Т.Г. Рудницкая (Изюмова)

Ветеран Великой Отечественной войны